

О.И. Чарина

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.012

УДК 398.21(571.56+571.65)

**Сказки русских исполнителей Северо-Востока Сибири:
иноэтническое влияние**

Новизна исследования основана на сопоставлении характера бытования отдельных заимствованных фольклорных текстов сказок в репертуаре разных исполнителей. Для определения особенностей

© Чарина О.И., 2021

исполнения эпических текстов были привлечены записи известных фольклористов Н.А. Габышева, Е.И. Шастиной.

Цель статьи – на основе записей, произведенных в середине XX в. учеными-полевиками в Якутии на Индигирке и в Иркутской области, изучить особенности внедрения в русский фольклор произведений, усвоенных у соседних народов. Рассматриваются два текста, отразивших разные подходы влияния якутского фольклора и языка.

Методы исследования. Исследование опирается на значительные труды ученых-сибиряков А.Б. Соктоева, Е.И. Шастиной, Р.П. Матвеевой. Привлекаются основные тексты, опубликованные в двух важнейших сборниках по фольклору русских старожилов Якутии. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ текстов, исполненных двумя сказочниками в разных местах проживания.

Результаты исследования. Уточнен характер эпических произведений, выяснены особенности заимствования. Автор останавливается на некоторых приемах, организующих текст двух сказителей. Выяснено, что характер заимствования различный, связан как с личностью исполнителя, так и с особенностями бытования текстов в иноязычной среде. Например, сказка, усвоенная Ф.Е. Томшиным, основана на сюжете олонхо, привнесенном в иркутскую литературу А.С. Ольхоном, а произведение фольклора, исполненное С.П. Киселевым, имеет более сложные фольклорные связи.

Ключевые слова: локальная специфика, заимствования, влияние, былины, песни, сказки, олонхо, зачин, повторы

I. Введение. В 2000-е – 2020-е гг. современная фольклористика уделяет пристальное внимание фольклору отдельных местностей и регионов. Также на современном этапе глубокий научный интерес вызывает сохранение фольклора в местности, которая находится в отрыве от метрополии, и при этом фольклор находится в тесном взаимодействии с языком и фольклором соседних народов. В этой связи представляется актуальным всесторонне рассматривать вопросы взаимодействия, которое испытывают произведения фольклора, образованного разнокультурными традициями.

При уточнении темы работы важны вопросы взаимовлияния в народной культуре соседствующих этносов Республики Саха, которые следует связывать со следующими фактами: временем заселения, а также с опытом совместного проживания русских, с одной стороны, и якутов, эвенов, эвенков, юкагиров и прочих народов, населяющих Якутию, – с другой. Вместе с тем в исследовании мы выходим за границы Республики Саха (Якутия) в силу того, что имеется пример усвоения и фиксации исполнения произведения якутского фольклора исполнителем из Иркутской области. Также в научном плане интересны личности сказочников, которые вводили в свой репертуар произведения иноэтнического эпического фольклора. Представляется важным уточнить особенности усвоения конкретного текста из фольклора соседнего этноса.

В данной работе определим характер влияния якутского олонхо на сказку, рассказанную Ф.Е. Томшиным на Лене, причем следует отметить, что село, где проживал сказочник, находится в нижнем течении Лены в пределах Иркутской области. А также будем разбираться в путях усвоения сказки, записанной от С.П. Киселева в Русском Устье на Индигирке, так как прямой зависимости от якутского сюжета здесь не прослеживается.

Как известно, якутское олонхо распространено практически во всех улусах республики, а характер влияния якутского фольклора на русский отражен в географически ограниченном месте – на Северо-Востоке Якутии, и, видимо, случайно, на Лене в пределах Иркутской области.

Фольклор старожилов делится на две группы. Так, первая группа связана с тем, что поселенцы–носители фольклорных традиций осваивали бассейны рек Индигирки и Колымы, это характеризуется закрытым характером бытования с незначительными лексическими и образными заимствованиями из якутского фольклора. Вторая группа ассоциирована со средним течением Лены, где прослеживаются явные следы влияния якутского языка, фольклора и мировоззрения. Приход русских связан с началом заселения и освоения Сибири примерно в XVII – XVIII вв. На Лене фольклор бытовал в условиях открытого влияния: иного фольклора, влияния жанров русского фольклора вновь приходящих поселенцев, некоторых произведений совре-

менной литературы, постепенно входящих в репертуар исполнителей.

Устное творчество изолированной группы русских постепенно испытывает влияние жанров, отдельных эпизодов, образов со стороны их этнического соседа. Так, экспедиция в Русское Устье и Чокурдах в декабре 2001 г. показывает, что в целом заметно влияние различных фольклорных заимствований со стороны эвенского, юкагирского и якутского фольклора и языка. В свою очередь русский фольклор оказал влияние на песни, частушки, мемораты, появившиеся в юкагирском и якутском фольклоре.

II. Материалы и методы. В своем исследовании мы опираемся на материалы экспедиции, осуществленной в 1946 г. группой исследователей Института языка и культуры при Совнарком ЯАССР в с. Русское Устье Аллаиховского района. Кроме того, в данной статье мы привлекаем тексты сказок и публикацию по русскому фольклору, которые собрала Е.И. Шастина в Верхнем Приленье.

Основными для нас остаются исследования по русскому фольклору, которые были осуществлены при создании двух академических сборников по русскому фольклору в Якутии. Для освещения фольклора русского старожильческого населения Северо-Востока Якутии важным является сборник «Фольклор Русского Устья» [ФРУ, 1986], а также публикации русского эпического фольклора в рамках эпической традиции в Сибири и на Дальнем Востоке, связанной с изданием серии «Памятников фольклора» – «Русская эпическая поэзия Сибири» [РЭП, 1991]. Основополагающим трудом по изучению сказок является работа В.Я. Проппа [Пропп, 1969]. Некоторые практические и теоретические методы исследования, вскрывающие характер взаимодействия этнокультурных традиций, которые, на ее взгляд, связаны с типологическими связями и общностью мотивов, предлагала Н.А. Криничная [Криничная, 1995, с.32–40]. С.Ю. Неклюдов проводил сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины [Неклюдов, 1977: 126–134].

В исследовании проводится описание текстов сказок, уточняется характер взаимосвязей героев, осуществляется сравнительно-сопоставительный анализ текстов на уровне сюжетов, образов,

стиля, исполненных двумя сказочниками на Индигирке и в Иркутской области.

Литература по русскому фольклору старожилов Якутии

При подготовке томов о сказках в Сибири и на Дальнем Востоке А.Б. Соктоев также обратился к проблеме влияния русских сказок на творчество народов Сибири [Соктоев, 1998: 455–465]. Сюжеты якутских олонхо рассматривал Н.В. Емельянов [Емельянов, 1990].

Для изучения влияния якутского фольклора и языка на русский старожильческий фольклор важны исследования Ю.И. Смирнова, Н.В. Емельянова, Ю.Н. Дьяконовой, С.Д. Мухоплеванной [Якутские народные сказки, 2008: 11–56]. Эти исследования служат не только доказательством актуальности изучения фольклора в аспекте взаимовлияния культур, но и предлагают некоторые методологические приемы, которые показывают значение бытования, сохранения и адаптации традиции одного народа в его непосредственной связи с другим. Вопросами взаимовлияния в русском и якутском фольклоре занималась Ю.Н. Дьяконова в работе «Русско-якутские фольклорные связи» [Дьяконова, 1983: 66–71].

Р.П. Матвеева обратила внимание на то, что «огромное влияние на северо-восточную сказочную традицию оказала местная былинная традиция» [РССДВ: ВЖ, 1993: 24]. Н.П. Соболева отмечала, что «совершенно особая местная сказочная традиция, сложившаяся в условиях оторванности, изоляции и инонационального окружения, характеризуется преобладанием здесь сказок волшебных, фольклоризацией древнерусских повестей, почти полным отсутствием бытовых сатирических сказок за исключением сюжета “Шут”, который претерпел влияние аборигенного фольклора» [РССДВ: ЛБ, 1992: 31]. Р.Н. Базилишина изучала корпус русских сказок на Индигирке [Базилишина, 2000].

На современном этапе якутскими сказками последовательно занимается Н.В. Павлова [Павлова, 2020]. Таттинскую традицию олонхо, где бытовал сюжет о Ньургуне Боотуре, изучает Н.А. Оросина [Оросина, 2014; 2015]. Некоторым вопросам сказывания прозаических жанров фольклора посвящены статьи автора [Чарина, 2013; Charina, 2018]. Мы в своем исследовании останавливаемся на отдельных видах влия-

ний, отразившихся на разных уровнях сюжетов русского и местного (юкагирского, якутского) фольклора: усвоение жанров иного фольклора, влияние образов, мотивов и языка.

III. Результаты. На основе сюжетов, образов героев, отдельных приемов и средств рассматриваются некоторые особенности взаимодействия русского и якутского фольклора.

В творчестве отдельных сказителей существуют редкие сюжеты, не свойственные общему репертуару, усвоенные из других источников. Для уточнения заимствования этих сюжетов, особенностей, проявившихся при изменении текстов, обратимся к личностям двух сказителей: Филиппа Егоровича Томшина из с. Старцево Иркутской области и Семена Егоровича Киселева из с. Русское Устье Аллаиховского района Якутии.

Личность Филиппа Егоровича Томшина заинтересовала Е.И. Шастина: «Сказывать начал Ф.Е. Томшин еще маленьким ребенком, “как только балякать стал”» [Шастина, 1975: 27]. Родители его рано умерли, на сходе села решили всех детей передавать из семьи в семью. Маленький Федор старался прижиться, умел запоминать. Его взяла одна семья, он отучился всего два года, стал ходить из села в село и рассказывать сказки. Как отмечала Е.И. Шастина, Томшин рано понял направление сказок, понял, где какой сюжет можно рассказывать. Сказок в его творчестве было много, помимо этого, он рассказывал былички, бывальщины. К сожалению, годы жизни не известны, но установлено, что он был моложе С.П. Киселева [Там же: 24–45].

Его репертуар, в который входило примерно 60 текстов, как отмечала Е.И. Шастина, включал традиционные сказки, например «Про трех сестер (Три царства)», «Сабля-невидимка (Портупей Прапорщик)» [Там же: 167], перешедшие в сказочный репертуар былины – «Илья Муромец» [Там же: 169], усвоенные из авторских сказок – «Про спящую царевну, которая 300 лет лежала» [Там же: 169]. Вместе с тем есть у него сказка «Вергун», которая более не встретилась в данном регионе.

Семен Петрович Киселев (Хунай) родился и всю жизнь провел в Русском Устье. Как писал Г.Л. Венедиктов, «исполнителями сказок были его родители Петр Михеевич и Аграфена Семеновна. Отец особо славился как рассказчик, и,

будучи приказчиком у купца, мог неограниченно пополнять свой репертуар. Сам же С.П. Киселев, по словам С.И. Боло, сказывал с 12 лет» [ФРУ, 1986: 304]. Многие произведения фольклора (былины, исторические песни, сказки) усвоил его сын Егор Семенович Киселев, правда, его репертуар был значительно меньше. Семен Петрович Киселев – наиболее известный исполнитель самых разных жанров фольклора на Северо-Востоке Якутии (1885–1947).

Особенности фольклорного репертуара С.П. Киселева

Г.Л. Венедиктов во вступительной статье к корпусу сказок в сборнике «Фольклор Русского Устья» отметил: «Основную часть текстов сборника составляют записи, произведенные в 1946 г. Н.А. Габышевым <...> записано от него (С.П. Киселева) 11 былин, 65 сказок, 68 песен, много загадок, пословиц и поговорок» [ФРУ, 1986: 7; 11]. Между тем, опубликовано 36 сказок, 6 былин, 10 исторических песен. 10 сказок заимствованы из фольклора местных народов. Известно, что Киселев считал, что текст сказки нельзя пересказывать иначе, «категорически отрицал полезность нового элемента в фольклоре» [Там же: 304]. Продолжается уточнение репертуара сказителя С.П. Киселева, возможные пути внесения в его репертуар эвенских сказок.

Сказка «Вергун», рассказанная Томшиным

Как писала Е.И. Шастина: «Вопросы взаимовлияния на уровне сюжетов, образов иные. Редким, но характерным примером использования сюжета олонхо в русском фольклоре явилась сказка “Вергун”» [Шастина, 1975: 82–95]. Ей удалось записать представленный в виде сказки перевод писателя А.С. Ольхона олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Произведение было опубликовано в книге «Анатолий Ольхон. Волшебные сказки. Иркутск, 1963» [Там же: 168]. Анатолий Сергеевич Пестюхин (Ольхон) родился в Вологде, некоторое время проживал в Иркутской области, переводил якутские, бурятские и другие произведения фольклора. Как видно из заглавия переведенной им «сказки о Нюргуне Боотуре Стремительном Светлом витязе», А.С. Ольхон пересказал олонхо К.Г. Оросина, которое было издано в 1947 г. очень близко к якутскому источнику. Г.У. Эргис, изучая героический фольклор якутов, описывал в олонхо о Нюргуне Боотуре этого персонажа

как защитника своего рода и племени [Эргис, 1974: 194–195]. Предположительно, известный сказитель Ф.Е. Томшин слышал сказку в пересказе, а не прочитал ее в переводе Ольхона¹.

В завязке сказки сообщается, что «жили-были в старину люди. Жили они плохо. Часто нападали на их места Железный великан, Черный верзила и Дракон. Они зорили села, топтали поля, луга. Порубили весь лес, скот, хлеб потаскали. Нечем стало людям жить» [Шастина, 1975: 82]. Далее в соответствии с полисюжетностью олонхо в сказке Томшина сообщается, что главный герой спасает последовательно сестру, молодую девушку, несколько девушек и юношей, вступает в бой с женщиной-богатыршей и спасает ее брата [Там же: 82–95]. Общую привлекательность сказке Томшина придают образы брата и сестры, посланных по просьбе людей батюшкой Светом и его женой Луной людям на помощь. Обязательная детализация, связанная с домашними образами «негасимого огонька, коновязи и жеребеночка», также показывает, что олонхо явилось источником сказки [Там же: 83]. Конкретно выписаны образы антагонистов героя: Змей, Верзила, Дракон, карлик [Там же: 84–92]. Герою постоянно помогает его «конь», могут приходиться на помощь птицы: Верзиле помогает ворон, он дает ему свою «крох» («кровь»). Вергуну приходит на помощь Белая птица, она сбрасывает ему «туесочек». Вергун сталкивает Верзилу в «море огня» [Там же: 85]. К концу повествования Вергун женит брата на дочери бабушки, сестру выдает замуж за сына бабушки.

События проходят на протяжении ряда лет, где в концовке произведения Вергун ищет себе жену. О связи сказки с якутским олонхо свидетельствуют такие образы, как кони, коновязи, негасимый огонь. Так, в описании Среднего мира у Н.А. Оросиной видим, что есть «дома, усадьбы; коновязи; священное дерево» [Оросина, 2014: 404].

Текст завершается типичной для русской сказки концовкой, после всех мытарств герои женятся, занимаются мирной жизнью, и следует конечная присказка: «Во дворе стоял колодец, в колодце рыба елец, и моей сказке конец» Шастина, 1975: 95]. Сама сказка занимает семь разворотов при размере листа А5. Другие сказки этого ис-

полнителя могут иметь размер 7,5 разворотов – «Сабля-невидимка» или 5 разворотов – «Приключения двух охотников» [Там же: 58–81].

Поскольку Томшин практически не упоминает имен героев, возможен вывод, что Томшин рассказывал произведение для русскоязычных слушателей, настроенных слышать многоходовые сказки без сложных имен героев. Сюжет сказки «Вергун» разворачивается последовательно: герой с сестрой спускается на землю, совершает ряд подвигов, женится.

Особенности сказывания произведений фольклора С.П. Киселевым

На наш взгляд, сказка «Три богатыря» показывает сложный процесс создания фольклорного произведения, построенного из нескольких сюжетных эпизодах. Сказка по размеру относится к средним в исполнении С.П. Киселева, у него есть сюжеты гораздо длиннее, например, «Подсолнешна красота» [ФРУ, 1986: 58–66].

Повествование построено согласно кольцевой композиции, когда начало повествования связано с концовкой: речь в сказке идет о некоем человеке, который не знает «то ли с неба упал, то ли из земли вишел», он решил сделать лук – не получилось. Далее сообщается, что он сломал лук на глазах у царя. После он попадает в концевую юрту, где живут старуха «с выкопанным глазом, со сломанной ногой, со сломанной рукой», а у старика тоже «рука-нога» сломаны, глаза нет. У первого героя появляется имя – «Дурак Сибиряк». Старик-хозяин рассказал свою историю: он родился «у осса и матери», пошел в лес, заблудился. Видит – юрта, там живут двенадцать разбойников. Они нападают на купца, который ехал «на белом и черном конях», однако тот при помощи «стросточки» легко справляется с врагами. Герой попадает к купцу: у него есть отец, мать, три сестры. Здесь проявляется тяготение Киселева к детализации. Далее сообщается о том, что происходит бой с тремя богатырями. В этой части сказки купец-богатырь требует, чтобы помощник будил его при помощи пятипудового молотка. Помощнику это не под силу, но от его слезы богатырь просыпается. Трижды купец-богатырь уходит на битву, просит героя помочь по хозяйству, а после битвы помочь распрячь коня. Герою в свою очередь

¹Возможно двоякое написание имени богатыря: Нюргун и Ньургун.

помогает старшая сестра хозяина. На третий раз герой помогает купцу-богатырю расправиться с третьим богатырем, берет перстень у поверженного. Купец-богатырь приказывает отдать перстень, иначе богатырь очнется. Потом помощник героя женится на сестре купца-богатыря, и все едут на бал к сару. Герой (помощник купца) хвастается тем, что это они расправились с тремя богатырями – сыновьями сара. Вдруг оказывается, что богатырь, который расправился с тремя богатырями, переломал нашего героя и его жену. С тех пор пара живет в этом городе, «дак ничем не хвастает» [РЭП, 1991: 299–302]. В концовке сказки Дураку Сибиряку сообщается, что необходимо скромно вести себя в обществе.

Сказка является сложным произведением с несколькими ходами сюжета. Ю.И. Смирнов считал, что «сказка в целом не имеет аналогов в европейской части страны», при этом он рассматривал возможности появления сказки в репертуаре русскоустыинского исполнителя [Там же: 423].

Рассмотрим две важнейшие позиции, которые характеризуют заимствование из другого языка и фольклора. Нам важны сходные явления и различия, проявляющиеся при заимствовании сюжетов и связанные с личностью рассказчика.

Особенности текстов, которые сближают заимствованные сюжеты

Сказители Ф.Е. Томшин и С.П. Киселев старательно пересказывают усвоенные из иноэтнических сказок-первоисточников сюжеты, стараясь не пропустить различные ходы и повороты, не упускают из виду других персонажей. Томшин последовательно рассказывает о перипетиях, которые претерпевает Вергун на пути к всеобщему счастью. А Киселев показывает произведение, которое имеет некоторые особенности композиции, проявившиеся в том, что здесь присутствует рассказ в рассказе: старик в ответ на события, происшедшие с Дураком Сибиряком, сообщил свое жизнеописание, отвечающее на вопрос: «Почему старик и старуха такие изувеченные?» Начало сказки говорит о том, что оно, возможно, усвоено из эпоса юкагиров или эвенов: «Жил-бул один человек. И сам не знает – то ли с неба упал, то ли из земли вышел» [РЭП, 1991: 299]. В этом отношении можно указать на зачин юкагирской сказки «Один юноша, проснувшись [однажды – так в тексте – О. Ч.], осознал, что не знает,

откуда он родом [Фольклор юкагиров, 2005: 267]. Так, и в тексте эвенов есть начальные строки:

Храбрый Седани-богатырь <...>

Кто были предки его,

Совсем он не знал.

Не было у него добросердечной

Родной матери.

Родившего [его] на свет почитаемого отца» [ФНКСиДВР, 2002: 276].

У каждого сказителя обязательно есть образы, свидетельствующие о месте и времени сюжета.

Так, Томшин описал Срединный мир, характерный для олонхо: «дымочек валит, стадо пасется скота» [Шастина, 1975: 93]. Становится понятно, о какой жизни мечтают обитатели Срединного мира после длительных гонений и мытарств.

В сказке «Три богатыря» Дурак Сибиряк проходит эволюцию от незнания «кто он» до понимания себя в сложном мире, при этом действие переносится из леса в царский двор, на поле битвы, в притундровое пространство [РЭП, 1991: 299–302].

Объединяет рассказчиков то, что они, повествуя сюжеты о богатырях, избегают имен некоторых героев, второстепенных персонажей. Так, Ф.Е. Томшин дает имя только главному герою – Вергун, а его сестра, героиня поисков в далеком мире, невеста и родной брат лишены имен, в то время как у автора сказки А.С. Ольхона есть имена: Солнце Теплый Отец, Луна Ясноглазая Матушка, сестра Айталы-Куо, красавица Тарыма-Кун, невеста Кыс-Учугей, брат Уолан-Орун [Ольхон, 1963, с. 51–129]. В олонхо обычно встречается Юрюн Айыы Тойон (Светлый Верховный Господин) [Эргис, 1974: 194]. Имя божества жены Главного Господина, видимо, восходит к общетипологическим образам фольклора.

В свою очередь С.П. Киселев сообщает также только одно имя – первого богатыря с луками – Дурак Сибиряк, в то время как в сказке много действующих лиц: купец-богатырь, помощник богатыря, сестра богатыря, двенадцать разбойников, сар, его три сына-богатыря и др. [РЭП, 1991: 299–302].

Зачин сказки «Вергун» от типично сказочного «жили-были» быстро переходит к общеэпическому обзору положения дел в предлагаемом мире, где действуют образы «Вергун», «Дракон», «птица Нивест» с характерными для рус-

ской сказки связки, например: «Долго, коротко ли, подъезжает он к заветному месту» [Шастина, 1975: 94]. Есть в повествовании характерные для Томшина моменты: он «как-то удивительно органично растворяет волшебное в реальном» [Там же: 34].

Помимо того, что сказка «Три богатыря» закольцована, сюжет сказки строится на нарушении запретов, где вначале Дурак Сибиряк ломает луки, а затем помощник богатыря пытается украсть «перстень», а затем хвастает на пиру у «сара», за что получают слабые богатыри заслуженную кару [Пропп, 1969: 29–31].

Различия, характеризующие сказки, исполнявшиеся Ф.Е. Томшиным и С.П. Киселевым

В целом ясно, что источники произведений фольклора, рассказанных Ф.Е. Томшиным и С.П. Киселевым, различны.

Фабула сказки, сообщенная Ф.Е. Томшиным, развивается последовательно: от детских лет Вергуна до счастливой жизни всех спасенных. Вергун предстает как действующий герой, он сам вершит подвиги: спасает сестру, племя, подвергнувшееся нападению Дракона, помогает другим [Шастина, 1975, с. 82–95]. Вергун умеет действовать не только мечом, но в какой-то момент он работает «кайлом, ломом, пешней» [Там же: 95].

Герой сказки «Три богатыря» богатырь-купец все время повествования как бы «задвинут» на второй план; вначале речь идет о некоем богатыре, который не знает, куда девать силу, затем повествование ведет изувеченный старик. Но они не могут сравниться с богатырем-купцом.

Вторая часть исследуемого текста имеет сходство с якутской сказкой, где действует богатырь, его помощник, они борются с разбойниками и «богатырями-абаасы» [Якутские сказки, 1994: 357]. Ю.И. Смирнов считал, что якутская параллель сказки «перекликается в основном со второй частью индигирской сказки, не совпадая с ней по большинству немотивированных деталей и по ряду ходов повествования» [РЭП, 1991: 424]. Все повествование ведется от нейтрального рассказчика внутри текста [Там же: 299–302].

Также сказка «Три богатыря» строится на противопоставлении героя-рассказчика, настоящего богатыря-купца, с одной стороны, и трех богатырей – с другой. Первый богатырь – Дурак

Сибиряк должен усвоить урок: не хвастать, знать меру в своих устремлениях.

Киселев делает упор на синтаксические повторы, он обязательно повторяет глаголы действия или бездействия героев: «тянул, тянул, тянул», «сидел, сидел, сидел», «шел, шел, шел», ему присущи яркие образы: «Утренняя зара стала заниматься – подниматься стал морочок». Здесь «морочок» – туман. «Вдруг гром загремел, роса стала падать» [Там же, с.301]. Пример использования образа сильного лука показан в эпизоде: «Ти расхвастался, что ошилковый лук изломал. Дурак Сибиряк, слушай!» [Там же, с. 299] (Ошилковый – от ошил – сильный человек, добрый, здоровый [Там же, с. 426]).

Вместе с тем сказитель показывает близкий ему мир: ландшафт, строения (юрты), животный мир, показаны соседние народы, которые являются героями сказок. Если в начале сказки Дурак Сибиряк видит себя в неизвестном месте, то далее события происходят в лесу или в городе. Например, якутское влияние заметно в образах «чемный лес», «юрта». Герой-рассказчик повествует: «Зашел я в такой чемный лес» [Там же: 299]; «в самую зашел концевую юрточку» [Там же: 299].

Возможно, юкагирское влияние проявляется в образах «зайцы», «кукушка», «озеро», «пень», «тундра». Первый герой думает: «Я стану шибе делать луки, убью зайца» [Там же: 299]. Старик-рассказчик сообщает: «Вдруг учувствовался – ни город даже, нехто нету, шерди озера стоит пень, на пену кукушка кукует» [Там же: 302]. В варианте его сына, Е.С. Киселева, появляется тундра: «Учувствовался – ляжу где-то в тундре, озеро, на озере – пень, на пеню кукушка кукует» [Там же: 306].

Русское звучание сказка получает за счет образов «сара/царя», примеров ландшафта: «дуб» [Там же, с. 301], «город» [Там же, с. 302]. Практически полностью повторяет сказку сын С.П. Киселева Е.С. Киселев [Там же, с. 302–306]. В этой сказке также видим географическую привязку – Сибирь, нашедшую отражение в имени героя.

На наш взгляд, контаминация эпизодов, связанных с нарушением запретов (сначала – Дурак Сибиряк, ломающий луки, затем – помощник купца-богатыря хвастается на пиру победой над сыновьями «сара»), завершается последую-

щим наказанием – изгнанием Дурака-Сибиряка из «царского двора», причинением жесткого физического увечья помощнику купца-богатыря после утраты доверия к нему и родной сестре. Отсюда следует, что рассказчиком мог быть русский, знавший якутскую традицию, либо якутский сказитель, применивший знания о юкагирском фольклоре. Этот рассказчик хорошо говорил по-якутски, о чем говорит бесстрастное отношение к юкагирским представлениям о ином как об «одностороннем» персонаже. Возможно, на нерусское исполнение промежуточного рассказчика указывает односложно построенное предложение «Вечер стал» [РЭП, 1991: 301]. Так говорят, когда не знают, как строится предложение по-русски.

Ф.Е. Томшин, как видно из его речи, творчески менял текст, он не только изъясил почти все имена персонажей, но мог заменять некоторые слова. Так, он сообщает, что герой поселился в «халупе», возвращается в «хату», возвращается с сестрой в «помещение» [Шастина, 1975: 83, 93].

Р.Н. Базилишина пишет, что «общий обзор сказок РУ [Русского Устья – О.Ч.], включая ее контекст, приводит нас к выводу, что судьба русскоустынской сказочной традиции – пример не простого поддержания и сохранения перенесенного из «Мудреной Руси» фольклора, но и создание нового – через включение и известный славянский пласт инациональных поэтических элементов, через освоение книжной культуры, подхватывание фольклорных образов и сюжетов <...> как «туземного» населения (аборигенов края)» [Базилишина, 2000:10].

Таким образом, сказка «Вергун» в исполнении Ф.Е. Томшина имеет один источник, восходящий к сюжету олонхо. Сказка «Три богатыря» С.П. Киселева, скорее всего, составлена из нескольких эпизодов, разных по этническому происхождению, в создании которые нашли отражения отдельные приемы и средства, свойственные якутскому фольклору и языку.

IV. Обсуждение.

Характер происхождения сказок. Некоторые итоги и возможные пути исследования

Сказка «Вергун», исполненная Ф.Е. Томшиным и записанная Е.И. Шастиной, представляет редкое явление перехода олонхо в сказку соседнего (русского) народа. Благодаря этой записи

становится возможным проследить пути усвоения сказки из иного фольклора, приспособления возможного существования в репертуаре русского сказочника.

Е.И. Шастина полагала, что сказка «Три богатыря» с образами и лексикой заимствована из якутского фольклора. Между тем Ю.И. Смирнов считал, что сказка в целом не имеет аналогов в европейской части страны, но не заимствована у якутов. Композиция редкая в русской и якутской традиции: рассказ в рассказе. Ю.И. Смирнов полагал, что якутские параллели, «якутский текст – скорее не источник, а стяженная копия с оригинала, каким является индигирская сказка» [РЭП, 1991: 423–425]. В свете изложенных текстов видно, что похождения помощника богатыря явно имеют славянское происхождение о чем мы говорили выше. Г.Л. Венедиктов с сомнением относится к происхождению «сказки “Дурак-Сибиряк”» с указанием на якутское происхождение и приведением примеров из якутских сборников сказок, а также на включение «Боя на калиновом мосту» [ФРУ, 1986: 316]. Однако Г.У. Эргис как знаток якутского фольклора говорил о внесении некоторых сюжетов как «заимствованных от русских» [Якутские сказки, 1994: 18]. Интересен факт определения других сюжетов, которые могут быть разъяснены на основе сказки «О трех богатырях». В.В. Головин писал, уточняя стадии взаимопроникновения фольклора окружения, что «якутский однорукий, одноногий людоед появляется в сказке “Колобок” у русскоустыинцев» [Головин, 1995: 22]. Г.Л. Венедиктов в комментарии к сказке «Колобок» писал, что «братья Морского царя одноглазы, одноноги и одноруки, в чем отразились заимствованные, вероятно, от эвенов представления о злых духах» [ФРУ, 1986: 309]. На наш взгляд, образы старика и «старухи со сломанной ногой, сломанной рукой и выкопанным глазом» в сказке «Три богатыря» являются неожиданным объяснением появления несимметричных образов, которые встречаются в других, вышеуказанных сказках [РЭП, 1991: 299–302; ФРУ, 1986: 114–123; Богораз, 1901: 342–345]. Так, например, в сказке «Раз юкагиры жили» героиня встречает неизвестного, который позже становится ее мужем: «односторонней» человек «пришел: одна рука, одна нога». В этой сказке «односторонней человек»,

он же «Лыгыника», превращается в человека путем оборотничества, «три раза на солнце обернулся» [Богораз, 1901: 342–345]. В сказке, рассказанной С.П. Киселевым, совершенно обыденно говорится об односторонних людях – они превращаются в таковых в результате наказания от купца-богатыря. Эти увечья помощник богатыря и его жена получили вследствие ослушания: сестра предала брата-богатыря, рассказчик ослушался богатыря-купца и похвастался на пиру у «сара» [РЭП, 1991: 302].

V. Заключение. Таким образом, из проведенного сравнения фольклорных произведений, привнесенных из фольклора соседних этносов, исполненных двумя сказителями, видно, что хорошие сказочники сравнительно легко усваивают сюжеты нерусского фольклора.

Как показывает сопоставление двух текстов сказок, сюжеты заимствуются полностью или частично. Если сказка «Вергун» в исполнении Ф.Е. Томшина восходит к героическому эпосу якутов, то сказка «Три богатыря» в исполнении С.П. Киселева составлена из фрагментов нескольких сюжетов: былинного боя на калиновом мосту (русский источник), появления неизвестного героя, «односторонних людей» (видимо, юкагирский источник), повествования, свойственного третьему неизвестному первоисточнику.

Тексты сказок отражают характер внесения в известный сюжет приемов и средств, свойственных сказителям, когда Ф.Е. Томшин и С.П. Киселев вставляют любимые зачинные и конечные присказки, отдельные образы, лексику. Надо отметить, что в целом сказки, как и творчество сказителей, необходимо и дальше изучать на уровне сюжетов, композиции, приемов и средств.

Список литературы:

Базилишина Р.Н. Фольклорная традиция на краю ойкумены: сказки Русского Устья: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 22 с.

Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия [Собрал на месте и составил В.Г. Богораз]. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1901. Т. 68. № 4. 346 с.

Головин В.В. Фольклор в иноэтническом окружении // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1995. Вып.6. С. 14–23.

Дьяконова Ю.Н. Образ Бабы-яги в олонхо и якутских сказках // Фольклор народов РСФСР. Уфа: Изд-во Башкирского гос. университета, 1985. С. 66–71.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 208 с.

Криничная Н.А. О взаимодействии этнокультурных традиций: к методике полевых и теоретических исследований // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1995. Вып. 6. С. 32–40.

Неклюдов С.Ю. Жанрово-типологическое сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины // Фольклор. Поэтическая система. М.: Наука, 1977. С. 126–134.

Ольхон А.С. Якутские волшебные сказки о Нюргуне Стремительном, светлом витязе // Волшебные сказки. Иркутск: Кн. изд-во, 1963. С. 50–129.

Оросина Н.А. Татгинская локальная традиция якутского эпоса олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 2015. 24 с.

Оросина Н.А. Традиционные сюжеты и мотивы олонхо татгинской локальной традиции (на примере олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» К.Г. Оросина и «Тойон Ньургун» И.М. Давыдова) // Якутский героический эпос олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народов мира: материалы Международной научной конференции (Якутск, 18–20 июня 2013 г.). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. С. 403–405.

Павлова Н.В. Инициальные (начальные формулы в якутских народных сказках) и олонхо эссеисх якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 2. С. 117–121.

Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. 168 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Русская эпическая поэзия Сибири Дальнего Востока [Составитель Ю.И. Смирнов]. Новосибирск: Наука, 1991. 499 с.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных [Составители Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова]. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые [Вступ. ст., подгот. текстов, коммент. и указ. Н.В. Соболевой]. Новосибирск: Наука, 1992. 304 с.

Соктоев А.Б. Фольклорные контакты русского старожильческого населения и коренных народов Сибири // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наследие, 1998. С. 455–465.

Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы, 2002. 544 с.

Фольклор Русского Устья [Сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др.]. Санкт-Петербург: Наука, 1986. 384 с.

Фольклор юкагиров [Составитель Г.Н. Курилов]. Т. 25. М.: Наука, 2005. 594 с.

Чарина О.И. Русско-юкагирская сказка и песня «Кукша» // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 91–100.

Шастина Е.И. Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. 173 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

Якутские народные сказки [Составители В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухомлева и др.]. Новосибирск: Наука, 2008. 462 с.

Якутские сказки [Изд. подготов. Г.У. Эргис] // Саха остуруйалара. Якутск: Национальное книжное издательство «Бичик», 1994. 340 с.

Charina O.I. Dynasties of Russian storytellers in Yakutia and the features of their repertoire (bylinas and historical songs as a case-study). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018. №7(3). Pp. 353-362.

References:

Bazilishina R.N. *Fol'klornaia traditsiya na krayu oykumeny: Skazki Russkogo Ustja* [Folklore tradition on the edge of the Oikumena: tales of the Russkoye Ustye]. Abstract of the candidate of philological sciences. Irkutsk, 2000. 22 p. (In Russian)

Bogoraz V. G. *Oblastnoy slovar' Kolymского Russkogo narechiya* [The regional dictionary of the Kolyma Russian adverb]. Compiled by V. G. Bogoraz. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1901. Volume 68. №4. 346 p. (In Russian)

Charina O.I. Dynasties of Russian storytellers in Yakutia and the features of their repertoire (bylinas and historical songs as a case-study). *Journal of History Culture and Art Research*. 2018. № 7 (3). Pp. 353-362. (In English)

Charina O.I. Russko-yukagirskaia skazka I pesnya "Kuksha" [Russian-Yukagir fairy tale and the song "Kuksha"]. *Traditionnaya kultura* [Traditional culture]. 2013. № 1. Pp. 91-100. (In Russian)

D'akonova Yu.N. *Obraz baby-iagi v olonkho I yakutskikh skazkakh* [The image of a Yaga woman in olonkho and Yakut fairy tales]. *Folklore narodov RSFSR* [Folklore of the peoples of the RSFSR]. Ufa: Bashkir State University Publ., 1985. Pp. 66-71. (In Russian)

Emel'anov N.V. *Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni* [Plots of olonkho about the

ancestors of the tribe]. Moscow: Science Publ., 1990. 208 p. (In Russian)

Ergis G.Y. *Ocherki po yakutskomy fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Moscow: Science Publ., 1974. 402 p. (In Russian)

Fol'klor narodov Kraynego Severa I Dal'nego Vostoka Rossii [Folklore of the peoples of the Far North and the Far East of Russia]. Moscow: Northern expanses Publ., 2002. 544 p. (In Russian)

Fol'klor Russkogo Ustja [Folklore of the Russkoye Ustye]. Compiled by S. N. Azbelev, G. L. Venediktov, N.A. Gabyshev I dr. Leningrad: Science Publ., 1986. 384 p. (In Russian)

Fol'klor ukagirov [Yukagir folklore]. Compiled by G.N. Kurilov. T. 25. Moscow: Science Publ., 2005. 594 p. (In Russian and Yukagir)

Golovin V.V. *Fol'klor v inoetnicheskom okruzenii* [Folklore in a non-ethnic environment]. *Sokhraneniye I vozrozhdeniye folklornykh traditsy* [Preservation and revival of folklore traditions]. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore Publ., 1995. Volume 6. Pp. 14-23. (In Russian)

Krinichnaya N.A. *O vzaimodeistvii etnokul'turnykh traditsy: k metodike polevykh I teoreticheskikh issledovaniy* [On the interaction of ethnocultural traditions: to the methodology of field and theoretical research]. *Sokhraneniye I vozrozhdeniye folklornykh traditsy* [Preservation and revival of folklore traditions]. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore Publ., 1995. Volume 6. Pp. 32-40 (In Russian)

Neklyudov S.Yu. *Zhanrovo-tipologicheskoye сопоставление buryatskogo geroicheskogo eposa i russkoi byliny* [Genre-typological comparison of the Buryat heroic epic and Russian epic]. *Folklor. Poeticheskaya sistema* [Folklore. Poetic system]. Moscow: Science Publ., 1977. Pp. 126-134. (In Russian)

Ol'khon A.C. *Yakutskie volshebnye skazki o Nyuruune Stremitel'nom, svetlom vityaze* [Yakut magic tales about Nyurgun the Swift, light knight]. *Volshebnye skazki* [Fairy tales]. Irkutsk: Kn. Izd-vo, 1963. Pp. 50-129. (In Russian)

Orosina N.A. *Tattinskaia lokal'naya traditsiya yakutskogo eposa olonkho: formy bytovaniya, osnovnyie obrazy i motivy. Aftoref. kand. filol. nauk: 10.01.09* [Tattinsky local tradition of the Yakut epic olonkho: forms of existence, main images and motives. Abstract of the candidate of philological sciences: 10.01.09]. Yakutsk, 2015. 24 p. (In Russian)

Orosina N.A. *Traditsionnye cuzhety and motivy olonkho tattinskoi lokal'noi traditsii (na primere olonkho "Dzhuluruiar N'urgun Bootur" K.G. Orosina and "Toion N'urgun" I.M. Davydova)* [Traditional plots and motifs of the Olonkho of the Tatta local tradition (using the example of the Olonkho "Diuluruyar Nyurgun Boo-

tur” by K. G. Orosin and “Toyon Nyurgun” by I. M. Davydov)]. *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho – shedevr chelovechestva v kontekste eposov narodov mira: materialy Mezhdynarodnoi konferentsii* [Yakut Heroic Epos Olonkho – a Masterpiece of the Oral and Intangible Heritage of World Eposes (International Scientific Conference materials)]. Yakutsk: North-Eastern Federal University Publ., 2014. Pp. 403-405. (In Russian and English)

Pavlova N.V. Initsial’nye (nachal’nye formuly v yakutskikh narodnykh skazkakh) I olonkho esseiskikh yakutov [Initial formulas in Yakut folk and the Yssey Yakuts’ Olonkho]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern journal of humanities]. 2020. № 2. Pp. 117-121. (In Russian and English)

Propp V.Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Edition 2. Moscow: Science Publ., 1969 168 p. (In Russian)

Russkaja epicheskaya poeziya Sibiri i Dal’nego Vostoka [Russian epic poetry of Siberia of the Far East]. Compiled by Yu.I. Smirnov. Novosibirsk: Nauka, 1991. 524 p. (In Russian)

Russkiye skazki Sibiri and Dal’nego Vostoka: legendarnyye i bytovyye [Russian fairy-tales of Siberia and the Far East: legendary and household]. Introductory remarks, preparation of texts, commentary and instructions N.V. Sobolevoi. Novosibirsk: Science Publ., 1992. 304 p. (In Russian)

Russkiye skazki Sibiri and Dal’nego Vostoka: volchebnyie i o zhivotnykh [Russian fairy-tales of Siberia and the Far East: magic and about animals]. Compiled by R.P. Matveeva, T.G. Leonova. Novosibirsk: Science Publ., 1993. 352 p. (In Russian)

Shastina E.I. *Skazki i skazochniki Leny-reki* [Fairy tales and storytellers of the Lena River]. Irkutsk: East Siberian book Publ., 1975. 174 p. (In Russian)

Soktoev A.B. Fol’klornyye kontakty Russkogo starozhil’cheskogo naseleniya I korennykh narodov Sibiri [Folklore contacts of the Russian old-timers population and indigenous peoples of Siberia]. *Slavyanskiye literatury. Kul’tura I fol’klor slavyanskikh narodov. XII mezhdunarodny s’ezd slavistov. Doklady rossiyskoy delegatsii* [Slavic literature. Culture and folklore of the Slavic peoples. XII International Congress of Slavists]. Moscow: Heritage Publ., 1998. Pp. 455-465. (In Russian)

Yakutskie skazki [Yakut tales]. Edition prepared G.U. Ergis. Sakha osyoryidalara. Yakutsk: Natsional’noe knizhnoye izdatel’stvo “Bichik”, 1994. 340 p. (In Russian and Yakut)

Yakutskiy narodnyy epos [Yakut folk tales]. Compiled by V.V. Illarionov, Yu.N. D’ykonova, S.D. Mukhopleva i dr. Novosibirsk: Science Publ., 2008. 462 p. (in Yakut and Russian)

O.I. Charina

Tales of Russian Performers from the Northeast of Siberia: Non-Ethnic Influence

The scientific novelty of the study is based on a comparison of the nature of the existence of individual borrowed folklore texts of fairy tales in the repertoire of different performers. To determine the features of the execution of epic texts, recordings of famous folklorists were involved: N.A. Gabysheva, E.I. Shastina.

The aim of the article is on the basis of recordings made in the middle of the XX century by field scientists in Yakutia on Indigirka and in the Irkutsk region the peculiarities of the introduction of works learned from neighboring peoples into Russian folklore are being studied. Two texts are considered that reflect different approaches to the influence of Yakut folklore and language.

Research methods. The study is based on the significant works of Siberian scientists – A.B. Soktoev, E.I. Shastina, R.P. Matveeva. The main texts published in the two most important collections on Russian folklore of Russian old-timers of Yakutia are attracted. A comparative analysis of texts performed by two storytellers from different places of residence is carried out.

Results. The nature of epic works and the features of borrowing has been clarified. The author dwells on some techniques that organize the text of two storytellers. It was found out that the nature of borrowing is different, connected both with the personality of the performer and with the peculiarities of the existence of texts in a foreign language environment. For example, the fairy tale learned by F.E. Tomshin is based on the olonkho plot brought to Irkutsk literature by A.S. Olkhon and the folklore work performed by S.P. Kiselev has more complex folklore connections.

Keywords: local specifics, borrowing, influence, epics, songs, tales, olonkho, beginnings, repetitions